

The background of the cover is a detailed illustration. It depicts a man and a woman in a dark, rainy city at night. The man, with dark hair and wearing a black coat, is leaning over the woman. The woman, with long brown hair and also in a dark coat, is looking up at him. They are standing on a wet, reflective surface, possibly a pier or a street. In the background, there are buildings with lit windows, a harbor with ships and cranes, and a cloudy night sky. A string of warm white lights is draped around them. In the foreground, there is a white, branch-like structure with several small, blank, rectangular tags hanging from it. The overall mood is romantic and nostalgic.

Пока город ПОМНИТ ТВОЁ ИМЯ

ИЗЮМЕНКО
АННА АНДРЕЕВНА

18+

Анна Андреевна

Пока город помнит твоё имя

<https://litres.ru/74571047>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Северореченске можно потерять не только ключи - однажды город способен забыть саму дверь в твою квартиру. Когда дом Ники Беловой исчезает, она узнаёт, что унаследовала дар ведьмы: сшивать адреса, разорванные чужой памятью. Единственный, кто ещё помнит исчезнувшие улицы - Лев, вампир, связанный с городом старым обещанием. Поиски пропавшей сестры ведут Нику туда, где человеческое завтра стало платой за чужое спасение. А чувство к Льву заставляет решать, что страшнее: потерять любимого или удержать его ценой свободы.

Содержание

Глава	4
Содержание	5
Пролог До завтрашнего дня	8
Часть первая	13
Глава 1 Ключ в стакане	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Пока город помнит твоё имя

Глава

Изюменко Анна Андреевна

Пока город помнит твоё имя

Роман в шести частях

Содержание

Пролог До завтрашнего дня

Глава 1 Ключ в стакане

Глава 2 Безболезненно не обещаем

Глава 3 Сорок вторая

Глава 4 Имя под кожей

Глава 5 Модуль M17

Глава 6 Третья платформа

Глава 7 Человек которого не видно

Глава 8 Белые хризантемы

Глава 9 Окно на реку

Глава 10 Город без потерь

Глава 11 Хозяйка ночи

Глава 12 Чужое приглашение

Глава 13 Швейный ящик

Глава 14 След от чашки

Глава 15 Всё что я не сказал

Глава 16 Комната без номера

Глава 17 Элиза

Глава 18 Пекарня на Речной

Глава 19 Лифт

Глава 20 До рассвета

Глава 21 Вода под камнем

Глава 22 День которого не было

- Глава 23 Чёрная линия
- Глава 24 Девять лет
- Глава 25 Ключ на столе
- Глава 26 Напиши меня
- Глава 27 Мать и дочери
- Глава 28 След на шее
- Глава 29 Неделя Веры
- Глава 30 Лестница
- Глава 31 Двенадцать тысяч страниц
- Глава 32 Закрытый шлюз
- Глава 33 Последний лист
- Глава 34 Шестой пакгауз
- Глава 35 Откажись если нужно
- Глава 36 Чужая вода
- Глава 37 Линия на полу
- Глава 38 Назови меня
- Глава 39 Без опоры
- Глава 40 Прибытие подтверждено
- Глава 41 Незнакомые
- Глава 42 Три года и четыре месяца
- Глава 43 Что остаётся на бумаге
- Глава 44 Снова спроси меня
- Глава 45 Не твой единственный адрес
- Глава 46 Пятьдесят первый километр
- Глава 47 Незаконченный шов
- Глава 48 Открытая дверь

Эпилог Окно

Пролог До завтрашнего дня

Первый человек, которого Ася встретила в хранилище, попросил у неё соль.

— Здесь суп дают совсем пустой, — объяснил он. — Вы снаружи? Возьмите в следующий раз пакетик. Много не надо.

Он был в пальто, застёгнутом до подбородка. Из кармана торчал уголок газеты. Ася заметила его раньше лица: газета казалась старой, но бумага на сгибе не пожелтела.

— Я в архив, — ответила она. — Не знаю, приду ли ещё.
— Все так говорят.

Мужчина отошёл. Сделал шесть шагов, остановился перед стулом и начал расстёгивать пальто. Потом застегнул снова.

Ася оглянулась на дверь. За матовым стеклом двигалась тень Максима Сергеевича. Он разговаривал по телефону; слышно было только одно слово — «подтвердить».

В сумке лежала коричневая тетрадь. Мать подарила её ещё в школе вместе со словами: «Записывай то, что видела сама». Ася тогда спросила, зачем, если есть телефон. Мать только провела пальцем по тканевому корешку. В апреле Ася впервые взяла тетрадь с собой вместо обычного блокнота: искать материнские бумаги с материнской вещью казалось не самым плохим суеверием.

В приёмной ей предложили чай. Здесь чай не предлага-

ли. Вдоль потолка тянулись трубы, лампы гудели, под ногами был зелёный линолеум со швами, которые не сходились с направлением стен. Из дальнего прохода пахло жареным луком.

Она включила запись на телефоне и спрятала его в нагрудный карман рубашки. Рубашка была Никина. Ася взяла её без спроса, потому что для серьёзного разговора в фонде у неё имелось только платье, в котором она ходила на собеседования, и оно после всех этих собеседований стало казаться несчастливым.

Ника бы сказала: «Одежда тут ни при чём».

Ника вообще в последнее время говорила так, словно хотела заранее отвести от сестры всякую возможную беду. Не верь. Не ходи. Сначала проверь. Напиши, когда доедешь.

Ася собиралась написать сразу, как выйдет из архива. Показать фотографию страницы, которую искала с января. Сказать, что мать оставила им больше, чем долговую папку и сломанный швейный ящик. Тогда Ника наконец перестала бы смотреть на неё как на ребёнка, которому нельзя доверить даже собственное разочарование.

На ближайшем стеллаже лежала ванна.

Не макет. Настоящая чугунная ванна с жёлтым потёком под краном. Над ней висел пластмассовый ковшик, в воде плавала розовая мочалка. Полка под ванной была тонкой, алюминиевой и никак не могла выдержать её вес.

Ася сделала шаг назад.

Она помнила, что Максим предупредил: архив отличается от привычных помещений. Помнила его слова о методах матери. О документах, которые нельзя переместить без утраты содержания.

Но он не говорил, что архив продолжает мыться.

Из следующего прохода вышла женщина с тарелкой. Увидела Асю, попыталась улыбнуться.

— Вы знаете, где стол? Я уже, наверное, остудила.

В тарелке поднимался пар.

Ася посмотрела на телефон. Красный кружок записи исчез. Цифры времени стояли на нуле. В галерее лежало белое фото, которое она только что сделала: от ванны не осталось даже тени.

За её спиной открылась дверь.

— Дальше без меня не проходите, — сказал Максим. — Есть участки, где нужно присутствие свидетеля.

Ася повернулась к нему.

— Здесь люди.

Он не стал отрицать.

— Жильцы домов, которые ваша мать удерживала. Некоторые помещения пришлось временно перенести. Мы их вернём.

— Они знают, что здесь делают?

— Им трудно помнить переход. Это обратимо.

Он смотрел на неё с тем терпением, которое Ася всю жизнь ненавидела у взрослых: сейчас ей позволят испугать-

ся, потом объясняют, что страх означает неопытность, и продолжают по-своему.

— Я хочу выйти, — сказала она.

— Конечно. После завершения сверки.

— Сейчас.

Улыбка ушла с его лица.

— Вы согласились связать два адреса. Если уйдёте до конца, люди здесь потеряют дорогу домой.

Ася вспомнила бланк. «Подтверждаю участие в восстановлении». Вспомнила, как ей выдали пропуск и попросили поставить подпись в журнале. Ещё он спросил, сможет ли она уделить этому сутки, и она ответила: «До завтрашнего дня — да».

Она думала о работе с бумагами. Он — о чём-то другом.

Ася пошла к двери. Максим не удерживал её. Просто стоял и ждал.

Перед порогом нога остановилась. Будто подошва легла на толстое стекло, которого нельзя увидеть. Ася надавила сильнее. Колено заболело, но не сдвинулось ни на сантиметр.

— Вы обещали, что я вернусь завтра.

— И вернётесь. Пожалуйста, не мешайте нам вас вернуть.

Она посмотрела ему в глаза и поняла: сейчас он уже говорит не правду, а то, что должно сделать её послушной.

Максим ушёл в боковой проход, оставив дверь открытой. На матовом стекле снаружи висела табличка. Буквы были задом наперёд. Ася попыталась прочитать и не смогла: слова

расползались, как чернила под водой.

Она опустила на корточки. Достала из кармана карандаш. На внутренней стороне порога написала: «Ася Белова. Я не соглашалась остаться».

От карандаша потянуло дымом. Кожа на большом пальце лопнула.

Но надпись осталась.

Мужчина в пальто подошёл к ней.

— Только не плачьте, — сказал он. — Когда плачут, соль всё равно не та.

Ася вытерла палец о рубашку. Впервые она не смогла придумать, что ответила бы Ника.

Часть первая

Адрес которого нет

Глава 1 Ключ в стакане

Когда у квартиры исчезает адрес, первым пропадает дверной звонок.

Ника узнала это в четверг, по дороге с работы купив мандарины, хотя собиралась купить только хлеб.

В магазине ей показалось, что Ася стояла у холодильника с молоком.

Жёлтая куртка, короткий хвост, рука в кармане. Ника бросила корзину, шагнула между людьми — и увидела незнакомую девушку с пирсингом под нижней губой.

— Простите, — сказала она.

Девушка отодвинулась, не спросив, за что.

В корзине под пакетом хлеба лежал телефон. Сегодня был сто восемьдесят седьмой день с тех пор, как сестра не вернулась домой. Ника считала не каждый день: счётчик был в записке, которую она обновляла раз в неделю. Такая маленькая уступка нормальной жизни. Не в четверг, не в пятницу — по воскресеньям, после стирки.

Из всех способов сходить с ума Ника выбрала расписание.

Мандарины пахли кожурой ещё через сетку. Она взяла их потому, что Ася могла съесть полтора килограмма за один вечер и потом обвиняла магазин, что продали мало. Ника покупала их раз в две недели. Если сестра вернётся, фрукты будут дома. Если не вернётся, Ника съест сама.

Кассирша спросила, нужен ли чек. Ника сказала да и сунула бумажку в карман.

На улице пошёл дождь. Он был мелким, почти невидимым в свете витрин, но за пять минут промочил манжеты. Ника оставила зонт в аварийном отделе, куда утром отвезла новую схему коллекторов. Она знала, в каком кабинете он стоит, и знала, что никто его не возьмёт. В маленьком мире вокруг неё всё было учтено — кроме сестры.

Возле дома пахло сырой штукатуркой. В подъезде не горела лампа второго этажа. Ника мысленно добавила заявку в очередь, потом вспомнила, что пришла не работать.

У лифта стояла коляска. Она убрала её к стене, чтобы Валерий Петрович мог пройти с тростью. Это движение было настолько привычным, что Ника заметила отсутствие звонка не сразу.

Рука поднялась сама. Палец ткнул в гладкую белую штукатурку.

Там должна была быть серая кнопка с треснувшим пластиковым ободком. Ника заказала новый звонок месяц назад, но посылка всё ещё лежала в пункте выдачи. Она вдруг вспомнила это с раздражающей подробностью: в пятницу собиралась забрать, в субботу — поставить, Ася раньше сделала бы обе вещи за полчаса и испачкала весь коридор.

Двери тоже не было.

На её месте стоял металлический щиток «Слаботочные сети».

Ника не закричала. Подумала, что вышла не на том этаже. Проверила цифру на стене: семь. Подумала, что ошиблась подъездом. Но слева был коврик с надписью «Уходи», справа — царапина от велосипеда соседского мальчика.

Она достала ключ. Провела ладонью по щитку в поисках отверстия. Металл был холодным, только у самого низа чувствовалось тепло.

За этим металлом на батарее сохла водолазка. На плите стояла кастрюля супа, который она сварила во вторник и забыла посолить. В комнате лежала книга, раскрытая лицом вниз. На первой странице Ася нарисовала крошечные очки, и, когда Ника читала слишком медленно, сестра говорила: «Автор уже устал шуриться».

Всё это существовало. Не могло перестать существовать между покупкой хлеба и седьмым этажом.

— Вы к провайдеру?

Ника обернулась.

Валерий Петрович придерживал свою дверь коленом. На плече у него сидел полосатый кот. Старик гладил его двумя пальцами и смотрел на Нику с опаской.

— Я домой.

— Тут щитовая.

— Я из сорок второй.

— Здесь нет сорок второй.

Ника указала на пакет с хлебом.

— Я вам половину взяла. Как всегда. Белый, без корки

сверху, вы просили.

Кот потянулся к пакету. Старик отодвинул его.

— Вы, наверное, квартиру перепутали.

Она смотрела на Валерия Петровича и ждала улыбки. Хоть слабой, растерянной. В феврале он упал в ванной, и Ника была единственной, кому хватило ума принести не только врача, но и ключ мастеру. Потом старик звонил ей каждый раз, когда забывал, как включить приставку. Сохранял её номер под именем «Наша Ника».

— Посмотрите в телефон, — сказала она. — У вас мой номер есть.

Он перестал гладить кота.

— Девушка, я вас не знаю.

Ему было страшно. Она увидела это и замолчала.

Дверь закрылась осторожно. За ней щёлкнула цепочка.

Ника села на ступеньку.

На экране ещё был адрес заказа из магазина. Она открыла документы на квартиру. Файл не загрузился. Открыла банковское приложение: ипотека погашена, сведений об объекте нет. В галерее вместо кухни появились серые прямоугольники. Подписи остались. На снимке ёлки Ника обнимала пустоту.

Она приближала фотографию двумя пальцами, пока собственное лицо не распалось на квадраты.

Теперь появился настоящий страх. Не за дверь. За то, что она сейчас откроет объявления о розыске и увидит вместо

сестры ровный белый овал.

Ника не стала открывать.

Позвонила в полицию. Голос на другом конце спросил адрес. Она назвала дом, этаж, квартиру. Оператор повторил первые две вещи и уточнил третью: в этом доме нет такого номера.

— У меня есть ключи. Документы. Я семь лет здесь живу.

— Документы сейчас у вас?

Ника посмотрела на пустой экран.

— Были.

Её спросили, есть ли рядом знакомый, который может подтвердить место проживания. Она посмотрела на дверь Валерия Петровича.

— Нет.

Оператор предложил подождать наряд у входа. Ника согласилась. Закончила разговор и начала спускаться, но на четвёртой ступеньке в сумке что-то звякнуло.

Напёрсток.

Мать оставила его ей вместе с швейной машинкой и пожеланием не продавать квартиру до тридцати лет. Машинку Ника продала после похорон. Она строчила ночью, хотя вилка лежала на полу. Ника объясняла это напряжёнными нервами: иногда мозг принимает звук холодильника за другое. Покупатель оказался пожилым молчаливым мужчиной и не захотел проверять, работает ли мотор.

Напёрсток был горячим. Ника положила его на ступеньку.

На внутренней стороне проступили буквы: «Вспомни, зачем возвращалась».

Она знала этот почерк. Та же наклонная «з», те же упрямые длинные хвосты.

— Мам?

Щиток прогнулся.

Внутри кто-то поставил чашку на блюде.

Ника поднялась. Приложила ухо к металлу.

— Ты там?

— Никусь, ну что ты стоишь? — сказал голос матери. — Ключ доставай.

Она достала. Руки теперь дрожали так, что связка ударялась о щиток.

— Назови себя, — попросил голос. — Я не вижу через дверь.

Ника открыла рот.

— Не надо.

Мужчина стоял у лифта. Высокий, с мокрыми волосами, в тёмном пальто. Лицо казалось знакомым, но она не могла вспомнить, где его видела. У него не было зонта, сумки, телефона в руках. Просто человек, которому совершенно не требовалось изображать, что он тут случайно.

— Кто вы?

Он смотрел на щиток.

— Лев.

— Это моя квартира.

— Знаю.

— Что с ней?

Мужчина подошёл ближе. У него были серые глаза с тёмным ободком, воспалённая царапина возле брови и очень спокойные руки. Ника заметила руки потому, что свои не могла удержать неподвижно.

— Сейчас назовёте фамилию — она перестанет быть вашей. То, что за дверью, хочет получить подтверждение.

— Вы бредите.

— Возможно. Не называйте всё равно.

Из щитка вздохнули.

— Вероника, не слушай чужих. Я же мать.

Ника перестала дышать.

Мать никогда не звала её Вероникой. В свидетельстве о рождении было написано «Ника». Она раздражалась из-за этого всю школу: учителя пытались исправить имя, секретарша однажды отказалась выписать пропуск. Мать сказала тогда: «Я выбрала тебе имя, а не сокращение».

Лев увидел перемену в её лице.

— Пойдёмте. Здесь недалеко есть человек, который поможет.

— Я вызвала полицию.

— Хорошо. Они увидят щитовую. Вы можете поговорить с ними. Но до полуночи нужно вернуть порог.

— Почему?

— Потом квартира забудет, что вы сегодня собирались до-

мой.

Он протянул руку. Ника на неё не посмотрела.

— Я с вами никуда не пойду.

— Тогда я подожду внизу.

Он убрал руку. Спустился пешком, не вызвав лифт. Ника слышала шаги ещё долго после того, как он исчез из виду.

Из щитка донеслось:

— Всё опять бросишь? Как меня?

Она опустила ключи в карман и пошла вниз.

Наряд приехал через двадцать минут. Один сотрудник проверил документы, другой поднялся с ней наверх. Они были корректны, устали, хотели разобраться. Щиток от этого не превратился в дверь. Валерий Петрович подтвердил, что женщину видит впервые.

— Вам есть где переночевать? — спросил молодой сотрудник.

Ника вспомнила чужую жёлтую куртку в магазине и ответила:

— Есть.

Она оставила номер для связи. Вышла на улицу.

Лев ждал под аркой. Не курил. Просто стоял, сложив руки, и смотрел на дождь.

Ника остановилась в двух шагах от него.

— Если вы меня тронете, я крикну.

— Договорились.

— И никакой машины.

— Пешком. Три квартала.

Он пошёл рядом, оставив между ними место ещё для одного человека. Ника сжимала в кармане горячий напёрсток. Из пакета пахло мандаринами, и от этого привычного запаха стало совсем невыносимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.